

УДК 821.161.1:94(510)"1920"
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148
<https://elibrary.ru/alzrnq>

EDN ALZRNQ

Роман «Преступление и наказание» в социокультурном контексте Китая 1920-х годов

Лань Си

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yanina.alexander@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2024

Одобрена после рецензирования 17.06.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Лань Си. Роман «Преступление и наказание» в социокультурном контексте Китая 1920-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 142–148. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148. EDN ALZRNQ

Аннотация. Статья посвящена исследованию рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Китае в 1920-е гг. В это время Китай переживал период политических, социальных и культурных потрясений, в ходе которых национализм, движение за новую культуру и марксистское мышление переплетались друг с другом, оказывая значительное влияние на общественное восприятие и культурные ценности. На этом фоне то, как интерпретировались, комментировались и распространялись произведения Ф. М. Достоевского, имело решающее значение для понимания идеологических изменений и культурного развития китайской интеллигенции того времени.

В статье используется метод эмпирического исследования, сравнительного литературоведения и аналитические методы историографии и современной коммуникативистики. Статья представляет собой исследование различных подходов к оценке творчества Ф. М. Достоевского в литературно-общественном контексте Китая 1920-х гг. В ней анализируются причины особого внимания к роману «Преступление и наказание», прослеживается путь распространения и характер рецепции произведений Ф. М. Достоевского в Китае 1920-х гг. Автор статьи исследует представления о романе таких китайских ученых, как Мао Дун, Сунь Фуси, Ван Тунчжао, Ху Ючжи, Чжэнь Чжэндуо, Чжоу Цзожэнь, Цзян Цифань, Цюй Цюбай и др. Особое внимание уделено их оценке особенностей сюжета и нравственной проблематики романа, а также причинам согласия или несогласия с идеями Достоевского. Изучение этих вопросов позволяет проанализировать дискуссии и споры, которые «Преступление и наказание» вызвало в китайской литературной критике того времени, а также влияние романа на развитие китайской литературы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Преступление и наказание»; Китай; общественно-исторический процесс; 1920-е гг.

Среди русских литераторов XIX в. Достоевский был представлен в Китае самым последним. До «Движения 4 мая» даже его имя было мало известно китайцам, но затем началось знакомство широких кругов китайских читателей с русской литературой, и Достоевский стал одной из ее репрезентативных фигур. Популярность его

творчества в Китае в 1920-е гг. была очень велика. По словам Тань Шуйсюань, «Октябрьская революция в России вызвала небывалые потрясения в китайском обществе. Рецепция российской литературы в Китае с самого начала была тесно связана с политическими целями социальных изменений и обладала ярко выраженной со-

циальной окраской, проявляя сильную утилитарную тенденцию» [Тань Шуйсюань 2014: 21]. В такой обстановке многие ученые обращали особое внимание на социально-реалистические аспекты русской литературы. Ван Чжилян по этому поводу пишет: «В тот период истории китайские ученые относили таких великих писателей, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, каждый из которых имел свой собственный стиль, к одной категории, то есть к категории “реалистов”» [Ван Чжилян 1991: 6]. Считается, что все их произведения посвящены темам и проблемам природы человеческой жизни. «Их художественные особенности, идеологические наклонности и уникальные художественные методы были поставлены на второй план, а иногда даже игнорировались» [там же]. Поэтому в 1920-х гг. было принято относиться к Достоевскому как к писателю-реалисту: «Большинство исследователей высоко оценивают внимание Достоевского к жизни низших слоев общества. Они считают, что благодаря этому вниманию писатель открыл широкое художественное поле» [Тань Шуйсюань 2014: 17].

На протяжении долгого времени в сознании китайцев главным произведением Достоевского является «Преступление и наказание» (1866). «Различные литературные словари и энциклопедии ссылаются на “Преступление и наказание” при объяснении термина “Достоевский”, называют его “величайшим шедевром”» [Дин Шисинь 2012: 569]. Этот роман имеет для китайского читателя высокий статус и широкое влияние по двум основным причинам: во-первых, в нем ярко показано отчаянное положение бедняков, у которых нет выхода в условиях капиталистической системы, и в то же время тонко изображено прекрасное человеческое сердце. В частности, образ Сони, полный страдания и братской любви, глубоко тронул сердца многих людей. Во-вторых, «в преступлении главного героя Раскольникова проявляется дух бунтарства против социальной несправедливости, и за его преступлением стоят более глубокие идеологические причины» [там же]. Эти обстоятельства вызвали живой интерес китайских ученых, и начиная с «Движения 4 мая» (движения «за новую культуру») всё больше людей стали изучать «Преступление и наказание».

В 1920-х гг., в связи со столетием со дня рождения Достоевского, в Китае начался новый этап оценки и изучения его творчества. Это вызвало бурю небывалого прежде интереса, и исследования вступили в период плодотворных достижений. В 1920 г. в приложении «Студенческая лампа» к газете «Китайские Времена» была опубликована статья Мао Дуня «Мое мнение о введении

западной литературы». В этой статье исследователь призывает «совместными усилиями в течение года» перевести литературные произведения реалистов и натуралистов, включая «Записки из подполья», «Идиот» и «Преступление и наказание» Достоевского. В ответ на этот горячий призыв произведения Достоевского были вскоре переведены. С момента появления первых переводов интерес китайцев к его произведениям быстро рос, переводы появлялись один за другим, и даже возникла оживленная ситуация, когда в течение короткого времени были созданы разные версии одного и того же произведения. Творчество Достоевского в Китае этого времени воспринималось с большим энтузиазмом, и всё больше людей знакомились с ним.

В апреле 1920 г. «Утренняя газета» опубликовала статью Сунь Фуся «Литераторы, современники Толстого». Автор с самого начала заявляет о намерении провести сравнительный анализ творчества Достоевского и Толстого, отмечая: «Российские писатели, говоря о себе или о других, всегда проявляли чрезвычайную откровенность. Они одновременно использовали наивность детского восприятия и взрослого высокого разума, просто и ясно выражая явные истины. Эти ценные качества искренности можно найти у величайших русских писателей, особенно у Толстого и Достоевского, которые ничего не скрывают, полностью излагают все, что они знают». Исследователь даже считает, что Толстой сильно находился под влиянием Достоевского: «Чем старше Толстой, тем более заметно влияние Достоевского на него. Его сочувствие к страдающим и интерес к искуплению постепенно усиливаются. В его последнем романе “Воскресение” мы видим, что он пишет его совершенно под влиянием духа Достоевского». Подобная оценка влияния творчества Достоевского на Толстого считалась в тот период весьма новаторской.

Кроме того, Сунь Фуси подчеркивает различие между романами Достоевского и детективными произведениями его времени: «Большинство произведений Достоевского посвящено исследованию преступлений, но они полностью отличаются от детективных романов того времени, которые находятся под влиянием пошлых вкусов и могут считаться безусловно ниже произведений Достоевского. Даже трагические криминальные ситуации в шекспировском духе не сравнимы с произведениями Достоевского». Далее он исследует истоки произведений Достоевского о преступлении и их художественные особенности, утверждая, что «Достоевский считал, что преступление – это нравственная болезнь, приносящая душе огромные страдания; он глубоко изучал этот процесс, исходя из того, что

душа через эту патологию и ужасные испытания становится чистой. Достоевский, как и шекспировская школа, ценил красоту трагедии, однако Достоевский реалистичным образом изображал грязь и ужас преступления. Несмотря на мрачный фон его произведений, в них отсутствует пессимизм. Сила искупления в страданиях, внутреннее достоинство человеческой души, нравственный смысл преступления и красота милосердия – всё это глубокие впечатления от его творчества» [Сунь Фуси 1920: 2].

В статье «Некоторые аспекты русской литературы» Ван Тунчжао высоко оценивает Достоевского, называя его «прозорливым литературным деятелем» и «великим деятелем русской литературы в эпоху реформ» [Ван Тунчжао 1984: 352]. Исследователь проанализировал произведения писателя с социально-политической точки зрения и отметил в них революционные элементы, считая, что они уже давно посеяли семена революции в жизни русского народа как в духовной, так и в материальной сфере. Таким образом, Ван Тунчжао рассматривает творчество Достоевского как борьбу с несправедливо устроенным обществом. Кроме того, он называет «Преступление и наказание» одним из «самых известных и сильных произведений в мире» [там же: 417].

В 1921 г., в год столетия со дня рождения Достоевского, китайская пресса опубликовала более десятка обзоров и рецензий на его творчество, написанных китайскими писателями и учеными. Среди них следует отметить статьи таких ученых, как Гэн Цзичжи (耿济之; 1899–1947), Мао Дунь (茅盾; 1896–1981, Шэнь Яньбин (沈雁冰; 1896–1981, Ху Ючжи (胡愈之; 1896–1986), Чжэн Чжэньдуо (郑振铎; 1898–1958) и других, опубликованные в журнале «Ежемесячный роман», «Восточном журнале», «Газете актуальных новостей» и других изданиях.

В статье Ху Ючжи «Жизнь Достоевского» очень подробно представлены жизнь и творчество писателя. Автор не только живо описывает важные и переломные моменты в жизни Достоевского, но и уделяет много внимания «Дневнику писателя», описывая его как «почти энциклопедию, включающую социальные и политические идеалы Достоевского, а также литературную критику» [Ху Ючжи 1921: 78]. В представленном в статье анализе романа «Преступление и наказание» автор, указывая на нигилистические черты характера Раскольникова, называет его «нигилистом, но не политическим, а этическим. Этот этический нигилист отвергает все этические запреты и правила» [там же: 79]. Исследователь полагает, что именно это и было истинным идейным мотивом совершения преступле-

ния главным героем. В завершение Ху Ючжи назвал «Преступление и наказание» «редким шедевром мировой литературы» [там же: 78].

Чжэн Чжэньдуо в своей статье «Столетие Достоевского» дает представление о гражданской позиции и гуманизме Достоевского. Он считает, что «Достоевский изображает бедных людей очень достойно, как обычных людей. Отражая дух простого человека, идею гуманизма, истинного товарищества, естественный дух братства, он исходил не из убеждения, что “всё понять – значит всё простить”, а из исконного чувства, что никто не может судить другого, а только наблюдать за ним» [Чжэн Чжэньдуо 1921: 1]. По словам исследователя, величие Достоевского заключается в том, что «он распространял свое Евангелие любви, вызывая сочувствие к униженным и оскорбленным», «признавал абсолютное равенство людей и везде в своих произведениях призывал: “Люди, любите друг друга”» [там же: 10]. Такая оценка в точности соответствует общему пониманию китайцами русской литературы того времени, выраженному словами Лу Синя (鲁迅, 1881–1936): «Русская литература – наш руководитель и наш друг, ибо в ней мы видим горестную борьбу добрых душ угнетенных» [Лу Синь 2014: 50].

В статье «Что Достоевский принес России?» Мао Дунь отметил, что по сравнению с другими русскими писателями творчество Достоевского имеет особое общечеловеческое значение. Это «вечная истина человеческой природы» и «истинное лицо низших слоев общества». Исследователь верно заметил, что «Достоевский снял страшную социальную маску с “униженных и оскорбленных” и показал их чистые души, чтобы люди интеллектуального класса поняли, что неизменная истина человеческой природы – доброта, и увидели истинное лицо низших слоев общества» [Мао Дунь 1921: 2].

Очевидно, что здесь затронута тема двойственности, характерная для героев произведений Достоевского, тема мученического обретения ими человечности. Однако, к сожалению, в дальнейшем автор возвращается к бытовому уровню жизни, говоря, что «Достоевский находил этих простых русских людей, когда изображал сцены бедности, стесненности и трудностей русской жизни. Возможно, он искал величие простых людей, тех, кто постоянно стремится к лучшему, противостоит тяжелым условиям жизни» [там же].

В ноябре 1921 г. в «Утренней газете» была опубликована статья Чжоу Цзожэнь (周作人; 1885–1967) «В память о трёх литераторах», посвященная столетию со дня рождения Достоевского, Флобера и Бодлера. В статье высоко оце-

нивается христианский гуманизм Достоевского и его «уникальное евангелие любви» считающееся «вершиной гуманистической мысли в литературе». Особое значение творчества писателя автор статьи видит в том, что Достоевский «создает каждый образ, как бы низко он ни пал, насколько отвратительным он ни был, всегда вызывает раздумья у читателя, ощущение того, что персонажи в книге такие же, как и мы, заставляет читателя вздохнуть: “Он – мой брат”» [Чжоу Цзожэнь 1921: 3]. Чжоу Цзожэнь замечательно подвел итог гуманизму Достоевского: «Так называемое горе современного человека – это борьба между сильной волей к жизни и неудовлетворенностью реальной жизнью» [там же].

В 1922 г. журнал «Ежемесячный роман» опубликовал статью Мао Дуня «Мысль Достоевского», в которой подробно исследуется «природа человека» в произведениях Достоевского. По мысли исследователя, «Достоевский определил, что человеческая природа добра, а зло – это продукт подавления. Если у людей есть свобода, они должны отвечать за свое поведение, и в состоянии свободы их добрая природа будет раскрыта. Он считает, что каждый человек обладает свободной волей, готов принять чужую боль и добровольно идет на жертвы ради более благородной цели. Люди не только готовы принять боль, но и нуждаются в ней так же, как и в удовольствии» [Мао Дунь 1922: 6]. Как видим, здесь показан глубокий анализ души: с одной стороны, человек стремится к свободе и счастью, а с другой – может получать удовольствие от боли и страданий. Это отражает глубокое понимание Достоевским боли как духовно и нравственно необходимого опыта.

Однако Мао Дунь объясняет этот феномен противоречивостью мышления Достоевского. Он говорит: «Исследуя идеи Ф. М. Достоевского в его произведениях, я чувствую, что многие его мысли противоречивы. В “Записках из Мёртвого дома” он говорит, что главная черта русских – стремление к справедливости, а в “Дневнике писателя” – что основной чертой русского человека является готовность терпеть страдания; его взгляды на “страдание” иногда выражаются с точки зрения чистого гуманиста, а иногда – с точки зрения религиозного деятеля, считающего страдание необходимым наказанием за грех; в одно время он говорил, что несправедливость жизни губительна, в другое – что она питает и обостряет духовные силы» [Мао Дунь 1922: 10]. В заключении статьи автор утверждает: «Мысль Достоевского – это уникальная и яркая искра в истории мысли человечества от древности до наших дней. Для современной молодежи Китая это чрезвычайно вдохновляющее духовное воз-

буждение. Его оптимизм по отношению к будущему, принятие страдания, а также защита и чувство пролетариату... все это является лекарством от депрессии, отступления и жалости к себе современной молодежи» [там же: 12]. Эта статья и сегодня восхищает обширностью информации и глубиной изложения.

В 1923 г. Цзян Цифань в своей книге «Современная литература» отмечал: «Значение произведений Достоевского и его таланта в литературе заключается в том, что он превосходно изображает души людей из самых социально низких слоев. В “Преступлении и наказании” он заставляет нас слышать голоса самых безобразных людей, крики грязного пьяницы, бормотание лентяя в темноте, слова вора, убийцы, шлюхи, дебошира. Однако их голоса способны на грусть и великую красоту. Достоевский обладает глубокой силой наблюдения, мощной творческой силой, искренним чувством и скрупулезным анализом». Цзян Цифань отметил, что глубокое раскрытие социальных тем всегда было одной из основных особенностей творчества Достоевского. Он описывает сцены, в которых люди под воздействием жестокой реальности темного общества деспотизма вырождаются и даже становятся сумасшедшими. Достоевский резко критиковал мрачные реалии своего времени и выражал глубокое сочувствие простым людям, оказавшимся в тяжелом положении и не имеющим выхода [Цзян Цифань 1923: 178].

В конце 1920-х гг. группа сторонников революционной литературы, таких как «Общество сотворения мира» (创造社 «Чуанцзаошэ») и «Общество солнца» (太阳社 «Тайяншэ»), основываясь на теории пролетарской литературы, пыталась применить марксистский принцип взаимосвязи между экономическим базисом и надстройкой к анализу литературных произведений. Исследователи подчеркивали классовую природу литературы и ее функцию как орудия классовой борьбы, атакуя с помощью этой теории все формы буржуазных абстрактных взглядов на человеческую природу. Следуя ей, они относились ко всем мелкобуржуазным писателям как «выразителям интересов своего класса», что оказало значительное влияние на восприятие творчества Достоевского, также подвергнувшегося критике. Например, Ли Чули высмеял «Преступление и наказание» в журнале «Создатель» (《创造月刊》), назвав его «хорошим примером мелкобуржуазного реализма» [Рао Хунцин 1985: 267], а Го Можо (郭沫若, 1892–1978), обращаясь к «неревлюционным писателям», попросил их «не радоваться, думая, что они получили талисман». Под «талисманом» ав-

тор понимал таких гениев, как Толстой или Достоевский, и их «неревлюционные произведения» [там же: 202].

В конце 1920-х гг. вследствие изменения доминирующей идеи в литературной среде оценочная деятельность в отношении Достоевского уже не была столь восторженной, как в более ранний период, и имела тенденцию к затиханию. Однако уменьшение количества научных исследований творчества писателя привело к заметному улучшению их качества – появились два шедевра большой глубины. Один из них – «Толстой и Достоевский» Цюй Цюбая (瞿秋白, 1899–1935), а другой – «Лаконичное предисловие» Лу Синя к изданию «Бедные люди».

Цюй Цюбай пронизательно отметил философские проблемы Достоевского, особенно те, что касаются Бога и человеческой личности. Он отметил, что «проблема Бога у Достоевского повсюду. Проблема Бога действительно взаимосвязана с проблемой нравственности, поэтому Достоевский часто изображает нравственные конфликты точным литературным языком. Проблема поставлена, но не решена: Достоевский ищет Бога, но не может его доказать. Проблема свободы воли личности так же трудно разрешима, как и проблема Бога» [Цюй Цюбай 1989: 191]. Очевидно, что Цюй Цюбай преодолел исторический и социальный уровень понимания, чтобы достичь более глубоких и широких философских высот. Его анализ затронул глубокую тему «отношений между Богом и человеком» в произведениях Достоевского, а также суть борьбы между верой и сомнением, которая мучила писателя всю жизнь. Так, исследователь утверждает, что Достоевский был «мистически религиозен и выступал против индивидуализма, при этом ни в одном из его произведений нет темы “бунтующей индивидуальности”», и заявляет, что «проблема свободы воли Раскольникова в “Преступлении и наказании” достигает гораздо более глубокого уровня, чем в обычной философии». Это можно считать точным и глубоким анализом философского уровня романа [там же: 194].

В 1926 г. в «Лаконичном предисловии» к «Бедным людям» Лу Синь точно указывает, что главная особенность творчества Достоевского состоит в том, что он показывает «глубину человеческой души». Исследователь диалектически анализирует, как Достоевский показывает добро и зло в человеческой душе: «Инквизитор стоит в зале суда и рассказывает о преступлениях преступника, а преступник рассказывает о своих добрых делах у подножия помоста; инквизитор обнажает грязь в душе преступника, а преступник показывает скрытый свет в обнаженной грязи. Таким образом, демонстрируется глубина

души». Лу Синь также говорит, что для избавления от греха и страданий необходимо признать свои грехи, а также «копаться в глубинах души, чтобы испытывать душевную боль, страдать от травм, но при этом встать на путь возрождения» [Лу Синь 1998: 104]. «Лаконичное предисловие» к изданию «Бедных людей» Лу Синя представляет собой самый высокий уровень изучения Достоевского в Китае в 1920-е гг.

Несомненно, переводческая и исследовательская работа по творчеству Достоевского в 1920-е гг., несмотря на некоторые ее недостатки, внесла значительный вклад в дальнейшее изучение великой русской литературы. Эта работа представляет собой «мост», соединивший китайскую и русскую культуры, позволивший китайскому читателю ближе познакомиться с Достоевским через различные оценки его творчества.

Список литературы

Ван Тунчжао. Некоторые аспекты русской литературы // Собрание произведений Ван Тунчжао. Т. 6. Шаньдун: Шаньдун. нар. изд-во, 1984. С. 351–473. 王统照. 俄罗斯文学的片断[M]. 王统照文集: 第六卷. 山东: 山东人民出版社. 1984. P. 351–473.

Ван Чжисян. Русская литература и Китай. Шанхай: Изд-во Вост.-кит. пед. ун-та, 1991. 383 с. 王智量. 俄国文学与中国[M]. 上海: 华东师范大学出版社. 1991. 383 p.

Дин Шисинь. Обзор четырех наиболее влиятельных произведений Достоевского в современном Китае // Журнал Чанчуньского университета. 2012. №5. С. 565–570. 丁世鑫. 陀思妥耶夫斯基在现代中国最具影响力的四部作品评析[J]. 长春大学学报. 2012(5), P. 565–570.

Лу Синь. Китайско-русский литературный обмен // Южный говор, северные тоны. Пекин: Пекин. совмест. изд-во, 2014. С. 53–57. 鲁迅. 中俄文字之交[M]. 南腔北调集. 北京: 北京联合出版社. 2014. P. 53–57.

Лу Синь. Лаконичное предисловие к «Бедным людям» // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Изд-во нар. лит., 1998. Т. 7 С. 103–105. 鲁迅. 穷人《小引》[M]. 鲁迅全集: 第七卷. 北京: 人民文学出版社. 1998. P. 103–105.

Мао Дунь. Что Достоевский принес России // Китайские Времена. 1921. №19. С. 2–3. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基带了些什么给俄国[J]. 时事新报. 1921(19). P. 2–3.

Мао Дунь. Мысль Достоевского // Ежемесячный роман. 1922. №13. С. 6–12. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基的思想[J]. 小说月报. 1922 (13). P. 6–12.

Рао Хунцин. Материалы Общества сотворения мира. Фуцзянь: Фуцзянь. нар. изд-во, 1985. 1173 с. 饶鸿竞. 创造社资料[M]. 福建: 福建人民出版社, 1985. 1173 p.

Сунь Фуси. Литераторы, современники Толстого // Утренняя газета. 1920. №4. С. 2–3. 孙福熙. 托尔斯泰同时的文学家[J]. 晨报. 1920(4). P. 2–3.

Тань Шуйсюань. Достоевский в Китае (1920~1939): дис. ... д-ра филол. наук. Гуанчжоу: Цзинань. ун-т, 2014. 52 с. 谭水游. 陀思妥耶夫斯基在中国(1920~1939). 博士论文, 广州: 暨南大学. 2014. 52 p.

Ху Ючжи. Жизнь Достоевского // Восточный журнал. 1921. №18. С. 74–80. 胡愈之. 陀思妥耶夫斯基的一生[J]. 东方杂志. 1921(18). P. 74–80.

Цзян Цифань. Литературные деятели последнего времени. Шанхай: Тайтун, 1923. 273 с. 蒋启藩. 近代文学家[M]. 上海: 泰东书局. 1923. 273 p.

Цюй Цюбай. Толстой и Достоевский // Собрание произведений Цюй Цюбая. Пекин: Изд-во нар. лит., 1989. Т. 2. С. 191–204. 瞿秋白. 托尔斯泰与陀思妥耶夫斯基. 瞿秋白文集: 第二卷[M]. 北京: 人民文学出版社. 1989. P. 191–204.

Чжэн Чжэньдуо. Столетие Достоевского // Китайские Времена. 1921. №19. С. 1–2. 郑振铎. 陀思妥耶夫斯基的百年纪念[J]. 时事新报. 1921(19). P. 1–2.

Чжоу Цзожэнь. В память о трех литераторах // Утренняя газета. 1921. №21. С. 3–4. 周作人. 三个文学家的纪念[J]. 晨报. 1921 (21). P. 3–4.

References

Wang Tong Zhao. E luo si wen xue de pian mian [Some aspects of Russian literature]. *Wang Tong Zhao wen ji: di liu juan* [The Collected Works of Wang Tongzhao: Volume VI]. Shandong, Shandong People's Publishing House, 1984, pp. 351-473. (In Chin.)

Wang Zhi Liang. *E guo wen xue yu zhong guo* [Russian Literature and China]. Shanghai, East China Normal University Press, 1991. 383 p. (In Chin.)

Ding Shi Xin. Tuo si tuo ye fu si ji zai xian dai zhong guo zui ju ying xiang li de si bu zuo pin ping xi [A review of four Dostoevsky's most influential works in modern China]. *Chang chun da xue xue bao* [Journal of Changchun University], 2012, issue 5, pp. 565-570. (In Chin.)

Lu Xun. Zhong e wen zi zhi jiao [China-Russia literary exchange]. *Nan qiang bei diao ji* [Southern Accent, Northern Tones]. Beijing, Beijing Union Publishing House, 2014, pp. 53-57. (In Chin.)

Lu Xun. Qiong ren 'xiao yin' [A succinct preface to 'Poor People']. *Lu xun quan ji: di qi juan* [The Complete Works of Lu Xun: Volume 7]. Beijing, People's Literature Publishing House, 1998, pp. 103-105. (In Chin.)

Mao Dun. Tuo si tuo ye fu si ji dai le xie shen me gei e guo [What did Dostoevsky bring to Russia?]. *Shi shi xin bao* [Chinese Times], 1921, issue 19, pp. 2-3. (In Chin.)

Mao Dun. Tuo si tuo ye fu si ji de si xiang [Dostoevsky's thought]. *Xiao shuo yue bao* [A Monthly Novel], 1922, issue 13, pp. 6-12. (In Chin.)

Rao Hong Jing. *Chuang zao she zi liao* [Materials of the Creation Society]. Fujian, Fujian People's Publishing House, 1985. 1173 p. (In Chin.)

Sun Fu Xi. Tuo er si tai tong shi de wen xue jia [Literary men contemporary with Tolstoy]. *Chen bao* [Morning Paper], 1920, issue 4, pp. 2-3. (In Chin.)

Tan Shui Xuan. *Tuo si tuo ye fu si ji zai zhong guo (1920-1939)* [Dostoevsky in China (1920-1939)]: Dr. philol. sci. diss. Guangzhou, Jinan University Press, 2014, 52 p. (In Chin.)

Hu Yu Zhi. Tuo si tuo ye fu si ji de yi sheng [The Life of Dostoevsky]. *Dong fang za zhi* [Oriental Magazine], 1921, issue 18, pp. 74-80. (In Chin.)

Jiang Qi Fan. *Jin dai wen xue jia* [Literary Figures of the Recent Times]. Shanghai, Taitong Publishing House, 1923. 273 p. (In Chin.)

Qu Qiu Bai. Tuo er si tai yu tuo si tuo ye fu si ji [Tolstoy and Dostoevsky]. *Qu qiu bai wen ji: di er juan* [Collected Works of Qu Qiubai: Volume II]. Beijing, 1989, pp. 191-204. (In Chin.)

Zheng Zhen Duo. Tuo si tuo ye fu si ji de bai nian ji nian [Dostoevsky's Centennial]. *Shi shi xin bao* [Chinese Times], 1921, issue 19, pp. 1-2. (In Chin.)

Zhou Zuo Ren. San ge wen xue jia de ji nian [In commemoration of three literary men]. *Chen bao* [Morning Paper], 1921, issue 21, pp. 3-4. (In Chin.)

The Novel 'Crime and Punishment' in the Socio-Cultural Context of China of the 1920s

Lan Xi

Postgraduate Student at the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. yanina.alexander@yandex.ru

Submitted 04 Feb 2024

Revised 17 Jun 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Lan Xi. Roman «Преступление и наказание» v sotsiokul'turnom kontekste Kitaya 1920-kh godov [The Novel 'Crime and Punishment' in the Socio-Cultural Context of China of the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 142–148. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148. EDN ALZRNQ (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the reception of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* in China in the 1920s. At that time, China was undergoing a period of political, social, and cultural upheaval in which nationalism, the New Culture Movement, and Marxist thinking intertwined with each other, exerting a significant influence on public perception and cultural values. Against this background, the way in which Dostoevsky's works were interpreted, commented on, and disseminated is crucial for understanding the ideological changes and cultural development of Chinese intellectuals of the period.

This study employs the methods of empirical research, comparative literary studies and analytical methods of historiography and modern communication studies. The article deals with documentary evidence and provides historical analysis of Dostoevsky's works in the socio-cultural context of China of the 1920s. It analyzes the reasons for the special attention to the novel *Crime and Punishment* in China and its wide influence on Chinese readers, traces the way of distribution and the reception of Dostoevsky's works in the country in the 1920s. By examining the views on the novel of famous Chinese scholars such as Mao Dun, Sun Fu Xi, Wang Tong Zhao, Hu Yu Zhi, Zhen Zheng Duo, Zhou Zuo Ren, Jiang Qi Fan, Qu Qiu Bai, and others, we understand how they evaluated the plot and the moral issues raised in the novel and how the literary ideas of these scholars echoed or contradicted Dostoevsky's ideas. Studying these issues contributes to the analysis of discussions and debates that *Crime and Punishment* provoked in the Chinese literary world at the time, as well as of the impact that the novel had on the development of Chinese literature.

Key words: Fyodor Dostoevsky; Crime and Punishment; China; socio-historical process; 1920s.